

М. Н. КАТКОВ

**Кто наши революционеры?
[Характеристика Бакунина]**

Москва, 5 января

Самое тяжелое впечатление на всех благомыслящих людей должна была произвести арестация петербургского мирового судьи Черкесова¹ по улике в преступных политических сношениях и замыслах. В самом деле, трудно представить себе что-нибудь прискорбнее подобного случая. Мировой судья, человек, выбранный из многих тысяч людей для того, чтобы быть стражем закона, чести и безопасности своих граждан, блюстителем общественной нравственности, охранителем порядка, сам оказывается злоумышленником, сам подвергается обвинению в солидарности с врагами закона, порядка, своих сограждан, своего Отечества. Случай этот так возмутителен, что невольно пытаешься объяснить его какой-нибудь случайностью, каким-нибудь недоразумением. Но подтвердится или не подтвердится улика, павшая на мирового судью, — довольно уже и того, что человек в таком положении мог навлечь на себя подозрение, достаточно сильное для того, чтобы подвергнуть его полицейскому обыску и арестовать его во имя закона. Чем же руководилось общество при выборах в должность столь важную, столь почтенную, прежде всего требующую совершенной гражданской благонадежности? Мы не будем упрекать представителей петербургского городского общества за выбор человека неблагонадежного: будем надеяться, что заподозренный мировой судья совершенно оправдается и выйдет чист; но как мог выбор их остановиться на человеке, недостаточно известном и своей репутацией, недостаточно огражденном от всякого сомнения относительно своей политической благонадежности? Правда, опыт и давних, и недавних времен свидетельствует, что никакие административные должности, никакие правительственные

положения не обеспечены от дурных элементов всякого рода. Мы видели злых заговорщиков на местах влиятельных и ответственных, и никто не поручится, чтобы и в сию минуту в рядах людей, призванных охранять спокойствие государства, не было тайных врагов его или пособников врагам. Что административные сферы не обеспечены от вторжения неблагонадежных элементов — об этом решительно засвидетельствовал всем памятный Высочайший рескрипт 13 мая 1866 года². Но из этого ничего не следует для извинения общества не только в предосудительных, но и в небрежных выборах. Будем искать примеров для подражания, а не для извинения своих упущений. Бюрократические порядки имеют свои слабые стороны, а потому-то государство, не ограничиваясь ими, и призывает всех блюсти интересы, дорогие для каждого, и в этих видах дает обществу право выбирать должностных лиц, призываемых действовать в собственной среде его.

Везде выбор такого должностного лица, как мировой судья, из людей политически неблагонадежных был бы явлением прискорбным; в России это чудовищность. Говорим «чудовищность», потому что в России, в нынешней России, нет таких революционных партий, относительно которых общество могло бы держать себя сколько-нибудь нейтрально.

Кто наши революционеры?

Заграничные, особенно немецкие, газеты полны известий о революции, якобы кипящей теперь в недрах России. Вся Россия, говорят, покрыта сетью заговора, который имеет свои узлы во всех значительных городах ее, а главный центр — в Москве.

Вы изумляетесь этому, вы думаете, что над вами издеваются? А между тем в самом деле производятся политические аресты, ходят слухи о каких-то прокламациях, даже совершаются политические убийства.

Что же это такое? Кто же вожди этой великой русской революции и чего они хотят? Надобно наконец взглянуть прямо в глаза опасности, которой нас пугают.

Вожди этой революционной партии, осветившей всю Россию, имеют притон свой в Швейцарии. Женева, как прежде Лондон, — вот тот пункт на земном шаре, куда сходятся видимые нити этой организации. Счастливая Женева! Какая блистательная роль суждена этой скромной пуританской Женеве! Отсюда раздаются те мощные голоса, которые потрясают в основаниях величайшую Империю в мире, всегда казавшуюся незыблемым колоссом. Отсюда сыплется воззвания к топорам, отсюда отправляются к нам эмиссары, сюда бегут за вдохновением и приказами

Худяковы³ и Нечаевы⁴. Об издателях «Колокола» уже не говорят. Скипетр русской революционной партии перешел в руки к другой знаменитости, к тому Бакунину, который в 1849 году бунтовал на дрезденских улицах, попал за то в австрийские казематы, был потом выдан нашему правительству, сидел в крепости, писал оттуда умилительные и полные раскаяния письма, был помилован и выслан на житье в Сибирь, где ему была дарована полная свобода, служил там по откупам, женился там на молоденькой польке из ссыльного семейства⁵, сошелся со многими из соплеменников своей жены и, когда разыгралось польское дело, бежал из Сибири; в 1863 году вместе с несколькими сорванцами польской эмиграции предпринимал морскую экспедицию против России, но предпочел высадиться на шведском берегу. Вот он, этот вождь русской революционной партии, организатор заговора, покрывшего теперь своей сетью всю Россию. «Верно то, — пишут в „Allgemeine Zeitung“⁶, — что Бакунин есть основатель и руководитель этого заговора, который имеет своей целью ни больше ни меньше как уничтожение всякого государственного начала, отвержение всякой личной собственности и воцарение коммунизма».

Фигура интересная. Тень ее ложится на всю колоссальную Россию!

Мы счастливы, что имеем некоторые сведения о характере и прошлой жизни этого великого человека и можем несколько ближе ознакомить с ним нашу публику, для которой он вдруг получил и столь неожиданное значение.

Случай свел нас с Бакуниным еще в первую пору молодости. Мы знали его недолго, но близко, и видели его в разных положениях жизни. В молодости это был человек не без некоторого блеска, способный озадачивать людей слабых и нервных, смущать незрелых и выталкивать их из колеи. Это была натура сухая и черствая, ум пустой и бесплодно возбужденный. Он хватался за многое, но ничем не овладевал, ни к чему не чувствовал призвания, ни в чем не принимал деятельного участия. Не было человека, даже наилучшим образом расположенного к нему и предубежденного в его пользу, на кого бы не производил он безотчетно неприятного и отталкивающего действия. Всякому было с ним и тягостно, и неловко. В нем не было ничего искреннего; все интересы, которыми он кипятился, были явлениями без сущности. Одна, впрочем, черта в его характере была несомненно реальная, одно свойство, которое в своих проявлениях было у него и правдиво, и искренно: это способность жить на чужой счет и не делать различия между карманом чужим и своим. Он всегда умел пристраиваться к денежным, податливым и конфузливym людям и с добродушием времен богатырских согла-

шался хозяйничать в их кошельках и пользоваться их избытками. Как не делал и он практического различия между чужими и своими деньгами, так не делал он различия в своих потребностях между действительными и мнимыми. Ему ничего не стоило вытянуть у человека последние деньги с тем, чтобы тотчас же рассорить их на вещи, ему самому совершенно не нужные. Денег не срывал он только с тех, у кого положительно нечего было взять. В этой характеристике Бакунина нет ни одной черты произвольной или основанной только на нашем личном впечатлении. Все знавшие его подтвердят в полной силе все главные черты его.

В последний раз мы видели его в Берлине, где под предлогом занятий философией он предавался абсолютной праздности, хотя своей развязностью в гегелевой терминологии озадачивал добродушного Вердера⁷, который с мистическим одушевлением преподавал в Берлинском университете логику упомянутого философа. Бакунин запечатлелся в нашей памяти под весьма характеристическим образом. Однажды в честь одного знаменитого профессора студенты устроили факельную процессию. Множество молодых людей собрались перед домом юбиляра, и когда почтенный старец вышел на балкон своего дома благодарить за сделанную ему овацию, раздалось громогласное *hoch*, и всех пронзительнее зазвенел у самих ушей наших знакомый голос: то был Бакунин. Черты лица его исчезли: вместо лица был один огромный разинутый рот. Он кричал всех громче и суетился всех более, хотя предмет торжества был ему совершенно чужд и профессора он не знал, на лекциях его не бывал...

После того прошло около тридцати лет, и Бакунину будет теперь под шестьдесят. С тех пор мы не встречались с ним. До нас доходили лишь общие сведения и слухи о его похождениях и заключениях. Но вот в 1859 году, когда он уже проживал в Сибири и служил по откупам⁸, мы неожиданно получили от него письмо, в котором он припоминал о нашем давнем знакомстве, которое показалось нам искренним. Еще прежде рассказывали нам, что он, после тяжких уроков жизни, во глубине строгого заключения, глубоко изменился, что ум его отрезвился, что душа его проснулась и что он стал простым и добрым человеком. Мы охотно поверили тону его письма, в котором между прочим выражал он сочувствие нашему журналу и давал нам разуметь, что он был бы не прочь воспользоваться возвращенными ему гражданскими правами для того, чтобы действовать как-нибудь на пользу общую. Мы предложили ему попробовать писать в наш журнал из его далекого захолустья, которое для ума живого и любознательного должно представлять так много новых и интересных сторон. В течение 1861–1862 годов⁹ получили мы

от него еще два-три письма через ссыльных из поляков, которые, быв помилованы, возвращались на родину. Оказывалось, что он жил в Сибири не только без нужды, но в избытке, ничего не делал и читал французские романы. Но на серьезный труд, хоты бы и малый, его не хватало. Русскую литературу он не обогатил своими произведениями. Зато он был охотник писать письма к знакомым. В письмах его к нам проглянул прежний Бакунин. Хотя тон их был все-таки весьма умеренный и благонравный, но от них веяло пустым и лживым фантазерством. Местами он заговаривал тоном вдохновения, пророчествовал о будущих судьбах славянского мира и взывал к нашим русским симпатиям в пользу польской нации. Письма эти не требовали ответа, и мы не находили нужным продолжать с ним переписку. Последнее послание получили мы от него уже в эпоху варшавских демонстраций¹⁰. Прежний Бакунин явился перед нами во всей полноте своего ничем не поврежденного существа. Он потребовал от нашей гражданской доблести присылки ему денег, по малой мере 6000 рублей¹¹. Дабы облегчить для нас это пожертвование, он дозволял нам открыть в его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которых, по его расчету, должно было быть немало. Зачем же вдруг и так экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вот зачем: однажды осенило его сознание, что он получал даром жалованье от откупщика¹², у которого числился на службе, ничего не делая, и он вдруг сообразил, что откупщик выдавал ему ежегодно в продолжение трех¹³ лет по 2000 рублей единственно из угождения генерал-губернатору¹⁴, которому Бакунин приходился сродни. Сознание это не давало-де ему покоя, и вот он решился во что бы то ни стало возратить откупщику всю в продолжение трех лет перебранную от него сумму.

Благородный рыцарь, он хотел подаянием уплатить подаяние и из чужих карманов восстановить свою репутацию во мнении откупщика. Мы не могли быть ему полезны, и письмо его осталось втуне. Но прошло затем несколько месяцев, и мы узнали, что Бакунин все-таки добыл сумму, которую требовалось возратить откупщику, но откупщику ее не возвратил, а бежал с полученными деньгами из Сибири. Откупщик был только предлогом, чтобы выманить деньги...

Вот главнокомандующий нашей революции. Да откуда же, наконец, берет он деньги, чтобы делать революцию?

Пред нами лежит теперь прокламация Бакунина, выпущенная прошлой весной во время студенческих беспорядков в Петербурге. Она озаглавлена так: «Несколько слов к молодым братьям в России».

Никогда революционный жаргон не доходил до такого безобразия, никогда поругание здравого смысла не простиралось до такого цинизма, никогда бесчестный расчет не выказывал себя с такой наглостью, как в этом гнусном изделии. Оно рассчитано на две стороны. Прямое действие его направлено на самую испорченную и на самую незрелую часть нашей нигилиствующей молодежи. С другой стороны, оно рассчитано на то, чтобы произвести впечатление в высших слоях нашего общества и администрации и поддержать там наветы тех партий, которые действительно составляют заговор под прикрытием якобы консервативных начал. Нельзя и на минуту допустить, чтобы человек, писавший это воззвание, был искренен и сам верил дикому сумбуру своих слов...

Бакунин поздравляет наше бедное молодое поколение с духом «противугосударственным» и «всеразрушительным». Какой лестный и возбудительный комплимент для мальчишек! «Всеразрушительный дух» — это священный недуг, и если бы «молодые братья» выздоровели от этого недуга, то они «стали бы скотами». Этого мало: есть название хуже, чем «скоты». «Вы, — говорит он, — заслужили бы право называться всероссийскими патриотами». Бакунин, как видите, не жалуется *всероссийских патриотов*.

Итак, наши *всеразрушительные революционеры*, которые высылают Каракозовых¹⁵, солидарны в этом чувстве вражды к русскому патриотизму с нашими так называемыми консерваторами. И та, и другая партия на этой почве союзны и могут действовать заодно против русских патриотов как в Западном крае, так и в других местах. «Где, — восклицает Бакунин, — источник того дико-разрушительного и холодно-страстного воодушевления, от которого цепенеет ум и останавливается кровь в жилах ваших противников? Холопская литература стала в тупик перед вами; она тут просто ничего не понимает».

Холопская литература — это русская патриотическая печать.

В чем же состоит учение *дико-разрушительной* революции с *холодно-страстным* воодушевлением, которая якобы покрыла своей сетью всю ненавистную ей Россию и имеет своим средоточием сугубо ненавистную ей Москву? Уничтожение всякого государства — вот чего хочет наша революция. «Всякое государство, — проповедует Бакунин, — как бы либеральны и демократичны ни были формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народа». Не нужно ни преобразований, ни даже революций, имеющих какой-нибудь смысл. Требуется, напротив, только «дико-разрушительное воодушевление». Долой всякое государство, как монархию всяких видов, так и республику, хотя бы социально-демократическую!

Спрашивается, кто, кроме помешанного, мог бы не шутя проповедовать такой вздор? Кто допустит, чтобы эта нелепость могла стать началом серьезного политического заговора, если только позади нет другого заговора, действительно серьезного, которому нужно прибрать к рукам и употребить в дело самую незрелую или самую испорченную часть нашей молодежи?.. Да и откуда это ничтожество могло бы взять денег хотя бы на печатание прокламаций, не говоря уже о командировках Худяковых и Нечаевых?

«В недоумении, — продолжает женевский вождь русской революции, обращаясь к своим молодым друзьям, — господа московские и петербургские журналисты решили, что ваше настоящее движение — дело польских подземных интриг. Нельзя было выдумать ничего подлее и глупее. Подлее, потому что вызывать ярость свирепого палача против измученной жертвы — такое позорное преступление, которое именно только в нашей холопски государственной России возможно; глупее, потому что нужно дойти до крайней степени тупоумия, чтобы не заметить с первого раза пропасти, лежащей между программой огромного большинства польских патриотов и программой нашей молодежи, представительницы и поборницы русского народного дела».

Итак, между нашей революционной партией и польским делом нет ничего общего. Связь между ними выдумала русская «холопская» патриотическая печать. Это клятвенно удостоверяют так называемые наши консерваторы. Рассказывали, что какой-то важный господин в Петербурге даже перекрестился, когда узнал, что преступник 4 апреля не поляк, а русский. В иностранных газетах, равно как и в некоторых петербургских салонах, высказывается весьма положительное убеждение, что все антирусские в России партии суть единственные консервативные элементы, а русский народ исполнен дико-разрушительного революционного духа. Это скажет каждый *фон* из Лифляндии, любой *пан* с Литвы или с Волыни: теперь это вне всякого сомнения, в этом удостоверяет сам вождь русской революционной партии. Все мерзости, чинимые у нас во имя революции, все эти воззвания к топорам, поджоги, покушения, убийства — все это есть дело русское, самобытное, самородное.

Мы согласны, что никакая политическая партия, никакой серьезный заговор не может иметь своей программой дикий вздор бакунинских прокламаций. Нет сомнения, никакая действительно опасная для государства партия не могла бы узнать себя в этой бессмыслице...

Кому нужно вносить эти квазидоктрины в беззащитные головы ребятишек обоого пола, связывать их призраком какого-то таин-

ственного общего дела и поджигать их на преступные покушения, которые навлекают на них всеобщие проклятия их народа? Друзья народа не могут этого делать: это могут делать только его враги, кто бы они ни были.

Между доктринами о «диком-разрушительном и холодно-страстном воодушевлении», с которыми Бакунин обращается к своим «молодым братьям», и польским делом действительно нет ничего общего. Польские патриоты не мальчишки. Они не могут считать чем-либо серьезным прокламации Бакунина и Нечаева. Они смеялись над ораньем Герцена, распространяя его листки в нашей молодежи. Их не может пленять перспектива всеобщего разрушения, в котором должны исчезнуть всякое государственное начало, всякий порядок, всякий закон, всякая власть и, стало быть, всякая человеческая свобода; точно так же и балтийские патриоты не могут находить ничего пленительного в Стеньке Разине, которого Бакунин выставляет в образец для своей молодой братии.

Но если у России есть враги, то им ничего не может быть приятнее, как порча русской молодежи и поругание русского патриотизма. Врагам России естественно позаботиться, чтобы дать этому позору вид революционной организации. Всякая мерзость для врага есть дело пригодное, и если бы не было Бакунина, Нечаева и *tutti quanti*¹⁶, то враги России должны были бы создать их.

Враги России и создали их. Наши так называемые революционеры — это орудие в руках наших врагов.

Успокоив нас, что между польскими патриотами и русской революцией нет ничего общего, Бакунин не мог оставить своих молодых друзей без ближайших наставлений. Иной глупый нигилист, пожалуй, и в самом деле вообразит, что он есть нечто самостоятельное и самородное, между тем как все его призвание в том только и состоит, чтобы помогать врагам своего народа, кто бы они ни были. Нигилист должен отрицать собственность, но он должен в то же время дружить хотя бы с феодалами, лишь бы они были враждебны русскому государству.

В мире нет ничего абсолютного. Оказывается, что, несмотря на пропасть, которая отделяет русскую революцию от польской партии, между ними все-таки есть маленькая связь.

Связь оказывается именно с самой консервативной частью польской партии — с дворянской.

Послушаем, что говорит главнокомандующий в своем воззвании вслед за вышеприведенными строками.

«Между большинством польских деятелей, — говорит Бакунин, — и именно той польской *шляхетско-католической* партией, которой

журналистика наша приписывает наибольшее влияние на русскую молодежь, и между нами есть *только одно* общее чувство и одна общая цель: *это ненависть ко Всероссийскому государству и твердая воля способствовать всеми возможными средствами наискорейшему разрушению его*. Вот в чем мы сходимся».

Только в том, не больше.

Итак, маленькая связь есть. Польская шляхетская партия сходится с нашим нигилизмом в совершенной безделице... «Шаг далее, — продолжает Бакунин, — и между нами открывается пропасть: мы хотим окончательного разрушения всякой государственности в России и вне России, они мечтают о восстановлении Польского государства».

Отношение обозначается довольно ясно. На долю нашим революционерам достается честь служить орудиями ненависти против своего Отечества и в придачу дикий сумбур понятий, который не заслуживает назваться даже безумием и может иметь значение положительно только для недоростков или для круглых дураков.

Но послушаем далее вождя русской революционной партии.

«Польские государственники, — продолжает Бакунин, — мечтают не о добром, потому что всякое государство, как бы либеральны и демократичны не были его формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народную. Они мечтают о невозможном, потому что впереди государства будут только рушиться, а не строиться. Они народо-ненавистной мечтой обрекают свою родину на новую гибель, и если бы им удалось, хоть с помощью иностранцев, разумеется, не с народной помощью, восстановить Польское государство, необходимо основанное на шляхетстве или, что все равно, на личной поземельной и наследственной собственности, они, без сомнения, сделались бы столько же нашими врагами, сколько и притеснителями своего собственного народа. Если это случится, мы станем войной против них во имя общенародной свободы и жизни. *А до тех пор мы им друзья и помощники, потому что их дело — дело разрушения Всероссийского государства, так же и наше дело*».

Кажется, дело ясно, если не для дураков, то для людей сколько-нибудь мыслящих.

Прокламация Бакунина приводит нам на память найденную после подавления мятежа в Варшаве инструкцию Мерославского¹⁷ для польских патриотов: им указывалось на русских нигилистов, герценистов и *полуполяков* как на лучших пособников польскому делу. «Когда цель будет достигнута, — учил Мерославский, — и Польша будет восстановлена, тогда мы этих пособников наших, если они

в то время окажутся, перевешаем». Но надобно полагать, что они тогда не окажутся — уж по тому одному, что вожаки их останутся без жалованья...

Итак, вот кто наши революционеры!

Спрашивается, может ли русское общество оставаться нейтральным относительно этих революционеров? Это не то что в других странах династические партии, не то что так называемые крайние партии. Нет, это отъявленные враги своего отечества, это друзья и пособники его врагов, это их создания и орудия...

